

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДЕНТИЧНОСТИ
КАЛМЫКОВ И КОРЕЙЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ
(по итогам опросов, проведенных в 2009–2010 гг.)**

Л. В. Намруева

В статье рассматриваются различные виды социальной идентичности калмыков и корейцев, проживающих в Республике Калмыкия. В ходе анализа материала, полученного в результате социологических опросов, было выяснено, что наиболее востребованными ее видами среди калмыков, титульного этноса республики, и корейцев, проживающих в Калмыкии, являются возрастная, профессиональная, этническая и локальная идентичности.

Ключевые слова: *калмыки, корейцы, виды социальной идентификации.*

The author considers the different types of social identity of the Kalmyks and Koreans living in the Republic of Kalmykia. The analysis of material received as the result of sociological surveys revealed that the most demanded kinds of social identity among the Kalmyks, the title nation, and the Koreans living in Kalmykia are as follows: age, professional, ethnic and local.

Keywords: *the Kalmyks, the Korean, kinds of social identification.*

В последние годы возрос интерес к проблеме социальной идентичности, что связано с миграционными и интеграционными процессами, глобализацией, развитием технических коммуникаций. Многие экономические, политические, культурные и другие проблемы современной жизни, безусловно, влияют на идентичность человека.

Термин «идентичность» широко используется в социологии, философии, психологии, этнологии, культурной и социальной антропологии (с разными значениями или в разных аспектах). Исследователи отмечают, что в самом общем понимании он означает осознание принадлежности объекта (субъекта) другому объекту (субъекту) как части и целого, единичного и всеобщего. Идентичность понимается как процесс перенесения индивидом на самого себя качеств и особенностей своего внешнего окружения, стремление актуализировать в своей личности такие черты, которые имеют важное и жизненно необходимое значение в данных условиях. Идентификация служит основой процесса подражания, т. е. не насильственного, а свободного выбора человеком тех качеств, умений и ценностей, какими он хотел бы обладать [1, с. 155]. Этот термин широко распространен в общественных науках в последнее десятилетие. Под ним понимается «отождествление друг друга и себя с определенной культурной категорией, социальными символами, территорией, статусом, ценностями, исполняемой ролью и т. п.» [2, с. 121].

Судьба калмыков и корейцев России имеет много сходных черт: общая Родина — Россия, депортация и затем реабилитация прав лишь спустя десятилетия. Депортация, годы страданий и невосполнимых потерь, нанесла огромный ущерб культуре обоих народов. Ее болезненный след — сужение сферы употребления родного языка — в различной степени проявляется в культуре калмыков и проживающих в России корейцев.

Анализом идентичности калмыков, титульного этноса Республики Калмыкия, занимаются такие ученые, как А. Н. Овшинов [3], С. З. Сенглеева [4], В. Н. Бадмаев [5], Б. М. Мунянова [6], А. Б. Имкенова [7] и др. В рамках коллективной темы научно-исследовательской работы КИГИ РАН «Народы Калмыкии: социокультурный облик» предпринимается попытка проанализировать особенности идентификационных процессов, происходящих у представителей корейской диаспоры, которые более сорока лет живут и трудятся на территории республики.

История калмыков и корейцев в российском сообществе наглядно свидетельствует о том, что в целом они не только сохранили свою уникальную культуру, традиции, обычаи, но и продолжают успешно развиваться, находят новые пути и способы своего сохранения и развития. Один из них заключается в освоении множества новых социальных ролей, каждая из которых имеет свою идентичность. В зависимости от того, какой объект является основанием идентификации, выделяют различные типы социальных идентичностей: профессиональную (ученый, рабочий, фермер, учитель), региональную (москвич, сибиряк), политическую (коммунист, либерал, социалист), религиозную (верующий, атеист), конфессиональную (мусульманин, православный, буддист), этническую (русский, калмык, даргинец). Индивид может иметь множественную идентичность, т. к. соотносит себя сразу со многими группами и общностями [8].

В 2009 г. было опрошено 318 человек, из них 60,7 % составили респонденты-калмыки. Во втором анкетном опросе, проведенном в 2010 г., участвовали только 52 представителя корейской диаспоры — жители Октябрьского района.

Одна из задач нашего исследования заключается в изучении распределения групповых иден-

тификаций, для регистрации которых нами была использована методика, применяемая учеными Института социологии РАН. Анализ строится на ответах респондентов на вопрос: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком вы могли бы сказать: *Это мы?* Варианты ответов: „часто“, „иногда“, „никогда“, „затрудняюсь ответить“» (см. таблицу 1).

Суммарные данные по двум позициям шкалы «часто» и «редко» образуют в соответствии с используемой методикой градацию «позитивная идентификация». Считается, что первая градация характеризует широту ощущения близости респондентов с той или иной общностью, а отдельно взятый показатель шкалы — «часто» — глубину этого ощущения. «Негативная идентификация» соответствует позиции «никогда» [9].

На первом месте в иерархии идентичностей у респондентов-калмыков оказалась возрастная

идентификация, ее положительный выбор составляет 90,7 %. При этом почти нет отрицательных ответов, свидетельствующих о негативной идентификации с людьми своего возраста (0,5 %). Это позволяет нам констатировать, что отношения между представителями одного поколения носят прочный и устойчивый характер.

С людьми своей профессии, рода занятий отождествляют себя 84,4 % респондентов. Частота выбора, характеризующая глубину связи с выбранной группой, составила 63,2 %.

Если принять во внимание суммарные показатели, т. е. данные позитивной идентификации, то окажется, что национальная (этническая) идентификация (83,4 %) находится на третьем месте. В нашем исследовании «с людьми своей национальности» отождествляют себя часто 71 % опрошенных калмыков и редко — 12,4 %. Соглашаясь с мнением П. М. Козыревой, мы считаем, что этническая принадлежность выступает сегодня наиболее осознанной и близкой, восполняя трудности идентификации в других измерениях социального простран-

Таблица 1. *Распределение различных видов социальной идентичности респондентов-калмыков*

Виды идентичности	Варианты ответов				Положительная идентификация	Ранг
	часто	редко	никогда	затрудняюсь ответить		
С людьми своего поколения, возраста	78,8 %	11,9 %	0,5 %	2,6 %	90,7 %	1
С людьми своей профессии, рода занятий	63,2 %	21,2 %	2,1 %	5,2 %	84,4 %	2
С людьми такого же достатка	45,1 %	30,1 %	3,6 %	13,0 %	75,2 %	5
С людьми своей национальности	71,0 %	12,4 %	2,1 %	4,1 %	83,4 %	3
С жителями того же города или села	56,5 %	24,9 %	0,5 %	6,2 %	81,4 %	4
С людьми своей веры	51,8 %	20,7 %	1,0 %	13,0 %	72,5 %	7
С жителями той же области, республики	47,2 %	25,9 %	2,6 %	10,9 %	73,1 %	6
С людьми, близкими по политическим взглядам	22,3 %	25,4 %	10,9 %	29,5 %	47,7 %	9
Со всеми гражданами России	23,8 %	28,5 %	6,7 %	30,1 %	52,3 %	8

ства, именно она является важной интегрирующей константой в условиях, когда другие ориентиры оказываются размытыми и утраченными [9].

Наше исследование, по результатам которого локальная идентичность (81,4 %) заняла четвертую позицию, подтверждает и другой вывод социологов, считающих, что в меньших социальных общностях плотность доверия и ощущение единства, близости с согражданами повышается [9, с. 32]. Так, 56,5 % респондентов-калмыков часто и 24,9 % редко идентифицируют себя с жителями одного и того же города или села. В этом виде социальной идентификации практически отсутствуют отрицательные ответы. Позитивная локальная идентичность (81,4 %) оказалась выше позитивной региональной идентичности (73,1 %). С жителями республики ощущают свою близость часто 47,2 % респондентов и редко — 25,9 %. Эти различия можно объяснить тем, что в меньших общностях, каковыми являются село, малый город, прочнее связи между индивидами и теснее социальное взаимодействие. Последнее в большей мере опирается на эмоциональное отношение, тогда как при соотнесении с крупными социальными объектами возрастает роль рационального и рефлексивного отношения [9, с. 32].

Полученные данные позволяют отнести к числу основных идентификацию по признаку материальной обеспеченности. С людьми равного материального достатка отождествляют себя 75,2 % респондентов (часто — 45,1 %, редко — 30,1 %).

В нашем опросе участвовали респонденты так называемой базовой социальной страты, куда входят представители массовых профессий, работники бюджетной сферы, имеющие единственный источник дохода — заработную плату. Поэтому уровень материальной обеспеченности является достаточно сильным маркером групповой идентификации.

Иерархия идентичностей в сознании индивида не является догмой и меняется в зависимости от ситуации, времени и места. Например, религиозно-конфессиональная идентичность в одних условиях не играет существенной роли и вообще никак не выражена в ролевой функции («религиозный индифферентизм»), в других — выступает на первый план и даже доминирует (конфессиональная принадлежность — исламские ваххабиты), вытесняя другие идентификации индивида [8]. В ходе опроса на тесную связь с людьми одной конфессии указали 51,8 % респондентов, а 20,7 % опрошенных отметили, что близость с людьми одной веры ощущают редко.

Одной из наиболее характерных особенностей идентификационных процессов является недостаточно высокий уровень гражданской (российской) идентичности, о чем свидетельствует доля респондентов, испытывающих тесную связь с гражданами своей страны. Удельный вес респондентов, ощущающих единство со всеми гражданами России, составил 52,3 %. Гражданская идентификация уступает возрастной (90,7 %), професси-

Таблица 2. Распределение различных видов социальной идентичности представителей корейской диаспоры

Виды идентичности	Варианты ответов				Положительная идентификация	Ранг
	Часто	Редко	Никогда	Затрудняюсь ответить		
1	2	3	4	5	6	7
С людьми своего поколения, возраста	61,5 %	25 %	—	—	86,5 %	1
С людьми своей профессии, рода занятий	48,1 %	28,8 %	—	9,6 %	76,9 %	3
С людьми такого же достатка	38,5 %	32,7 %	2,0 %	11,5 %	71,2 %	6
С людьми своей национальности	55,8 %	25,0 %	4,0 %	—	80,8 %	2
С жителями того же города или села	46,1 %	30,8 %	2,0 %	6,0 %	76,9 %	4
С людьми своей веры	38,5 %	32,7 %	6,0 %	7,7 %	71,2 %	7

1	2	3	4	5	6	7
С жителями той же области, республики	44,2 %	32,7 %	6,0 %	6,0 %	76,9 %	5
С людьми, близкими по политическим взглядам	3,8 %	32,7 %	21,1 %	25,0 %	36,5 %	11
Со всеми гражданами России	28,8 %	32,7 %	9,6 %	15,4 %	61,5 %	8
С корейцами из стран СНГ	9,6 %	26,9 %	30,8 %	15,4 %	36,5 %	10
С гражданами Северной и Южной Кореи	11,5 %	32,7 %	28,8 %	11,5 %	44,2 %	9

ональной (84,4 %), этнической (83,4 %), локальной (81,4 %), материальной (75,2 %), региональной (73,1 %), религиозной (72,5). Таким образом, среди количественных данных, зафиксированных в ходе анализируемого исследования, показатель 52,3 % довольно низкий.

Также заметно снижение уровня патриотических настроений в обществе в сравнении с дореформенным периодом. Речь идет о чувствах, основанных на идейных и нормативных установках человека, которые подвергаются переосмыслению или даже кризисной переоценке. Необходимо иметь в виду и то, что самоотождествление индивида со всеми гражданами России связано преимущественно с абстрактным доверием, которое по силе значительно уступает доверию первичных отношений, возникающих при интенсивных ежедневных контактах людей. Сообщество «граждане России» настолько широкое, что в нем не образуются социальные связи, которые ведут к формированию конкретных групп [9, с. 30].

Исследователи отмечают, что одним из проявлений ослабления традиционных идентичностей является размывание политико-идеологических связей [9]. В ходе нашего анкетного опроса эта тенденция подтвердилась. Согласно полученным данным, тесную связь с людьми, близкими по политическим взглядам, испытывают часто — 22,3 % респондентов, редко — 25,4 %. При этом 10,5 % не пытаются идентифицировать себя со сторонниками того или иного политического течения, и почти каждый третий опрошенный не знает, как реагировать на поставленный вопрос. Если принять во внимание суммарные показатели позитивной идентификации, то окажется, что политико-идеологическая идентификация (47,7 %) находится на последнем месте, уступая гражданской идентичности (52,3 %). Отсюда следует, что половина опрошенных не заинтересована в уча-

стии в политических процессах, т. е. в определенной степени аполитична. Чаше обычного солидарность с людьми, близкими им по политическим взглядам, испытывают лица зрелого возраста (от 40 лет и старше), т. е. наиболее ответственная часть электората, которая активно проявляет себя в любых избирательных кампаниях.

Как видно из таблицы 2, на первом месте в иерархии идентичностей у респондентов-корейцев, как и у респондентов-калмыков, оказалась возрастная идентификация (86,5 %). Большая часть опрошенных (61,5 %) указала на тесную связь со своими ровесниками.

Этническая идентификация (80,8 %) находится на втором месте. Потребность в ощущении глубокой связи с людьми своей национальности наблюдается у большей половины опрошенных (55,8 %).

С людьми своей профессии или рода занятий отождествляют себя 76,9 % респондентов. Частота выбора, характеризующая глубину связи с выбранной группой, составила 48,1 %.

Локальная идентичность (76,9 %) занимает четвертую позицию. 46,1 % респондентов часто и 30,8 % редко идентифицируют себя с жителями одного и того же города или села. Следует отметить, что в основном группа опрашиваемых состояла из корейцев, которые продолжительное время проживают на территории Октябрьского района республики. Поэтому возможность и потребность в соотношении себя с жителями одной и той же местности проявляется у них достаточно сильно.

Региональная идентичность характерна для 76,9 % опрошенных. С жителями республики ощущают свою близость часто 44,2 % респондентов и редко — 32,7 %. Как отмечено выше, корейцы более четырех десятилетий живут и трудятся на калмыцкой земле. По этой причине они ощущают близость со всеми жителями республики и могут сказать о них и о себе: «Это мы».

С людьми равного материального достатка отождествляют себя 71,2 % респондентов (часто — 38,5 %, редко — 32,7 %). Почти все опрошенные имели одинаковый уровень материальной обеспеченности. Из них 54 % отметили, что средств хватает только на самое необходимое, а 32 % указали, что имеют определенный материальный достаток, но покупка дорогих вещей вызывает затруднения. Отметим, что идентификация по признаку материального достатка у наших респондентов проходила довольно легко.

Теперь перейдем к рассмотрению социальных идентичностей, которые замыкают наш ранжированный список. С людьми одной и той же конфессиональной принадлежности готовы себя отождествлять 71,2 % респондентов-корейцев. На глубокую связь с людьми своей веры указали чуть более трети опрошиваемых (38,5 %). Корейцы республики относят себя к разным конфессиям: буддистам, протестантам, православным, однако есть и атеисты. Поэтому количество респондентов, указывающих на глубокую связь с людьми своей веры, оказалось значительно меньше.

Сравним результаты употребления ответов «часто» в первых позициях нашего рейтинга идентичностей среди респондентов — калмыков и корейцев. В них более половины респондентов дают именно этот ответ, что указывает на глубокую связь с определенной социальной группой. В последних позициях рейтинга обнаруживается заметное, почти в два раза, уменьшение выбора ответа «часто».

Восьмую позицию рейтинга идентичностей занимает гражданская идентичность (61,5 %). Каждый десятый из опрошенных никогда не отождествляет себя со всеми гражданами России.

Вплоть до конца 1980-х гг. большинство советских корейцев не ассоциировало себя ни с одним из корейских государств и не питало никаких патриотических чувств ни к Сеулу, ни к Пхеньяну. О Южной Корее знали лишь то, что она представляет собой «кровавую диктатуру», а доходившие из КНДР слухи о культе личности, терроре и нищете также не вызвали желания гордиться такой страной. В начале 1990-х гг. произошло «открытие» Южной Кореи. У советских, затем и российских корейцев появился стимул гордиться родиной предков, ее техническими и экономическими достижениями и ассоциировать себя с ней. Представители этой страны стали регулярно посещать Калмыкию, знакомиться с культурой и жизнью российских корейцев. Поэтому было интересно узнать, каким образом у наших респондентов происходит процесс идентификации с корейцами из других стран. Исходя из полученных данных, отметим, что данный процесс не отличается активностью. Об этом свидетельствует слабая положительная идентификация с гражданами

Северной и Южной Кореи (44,2 %) и еще более слабая (36,5 %) — с корейцами стран СНГ. При этом очень велик отрицательный выбор, т. е. число тех, кто никогда себя не отождествлял с этими группами, довольно значительно.

Последнюю позицию в распределении видов социальной идентичности заняла политическая идентификация (36,5 %). Пятая часть опрошенных считает, что никогда не связывает себя с людьми, близкими по политическим взглядам, и, по всей видимости, не проявляет особого интереса к политическим проблемам.

Рассмотрим, что есть общего и отличного в процессах идентификации двух российских народов — калмыков и корейцев, имеющих схожую историческую судьбу (добровольное вхождение в состав России, принятие революции, советской власти, депортация по национальному признаку, последствия государственной культурной политики, направленной на ассимиляцию народов).

Результаты проведенного социологического исследования показывают, что у обеих опрошенных групп наиболее востребованными видами социальной идентичности (в первой четверке) оказались: возрастная, профессиональная, этническая и локальная. Следует отметить, что положительная идентификация по всем этим позициям у респондентов-калмыков на 2–4 % выше, чем у респондентов-корейцев.

Как видим из таблицы 3, три последние позиции в обеих группах занимают религиозная, общегражданская и политическая идентичности. По двум конечным позициям наблюдается разница в положительных ответах. Так, положительная идентификация со всеми гражданами России у респондентов-корейцев на 9 % выше, чем у респондентов-калмыков. Разница проявляется в глубине ощущения этого чувства, о которой свидетельствует ответ «часто». 23,8 % калмыков и 28,8 % корейцев часто ощущают близость со всеми гражданами России. Ответ на этот вопрос вызвал затруднения у калмыков в два раза больше (30 %), чем у корейцев (15 %). На наш взгляд, в современных условиях этническое и региональное самосознание у нерусских народов, особенно титульных, имеющих свое государственно-правовое образование, выражено сильнее, чем у представителей диаспор, не имеющих такового. Зато у последних по сравнению с титульным населением республики сильнее проявляется российская, общегражданская идентичность. Безусловно, данный вывод требует дополнительных исследований и тщательного анализа.

Политическая жизнь волнует респондентов-калмыков намного больше, чем респондентов-корейцев. Положительная идентификация с людьми, близкими по политическим взглядам, у калмыков на 11 % выше, чем у корейцев. По всей

Таблица 3. Сравнение различных видов социальной идентичности калмыков и корейцев

Виды идентичностей	Калмыки		Корейцы	
	положительная идентификация	ранг	положительная идентификация	ранг
С людьми своего поколения, возраста	90,7 %	1	86,5 %	1
С людьми своей профессии, рода занятий	84,4 %	2	76,9 %	3
С людьми такого же достатка	75,2 %	5	71,2 %	6
С людьми своей национальности	83,4 %	3	80,8 %	2
С жителями того же города или села	81,4 %	4	76,9 %	4
С людьми своей веры	72,5 %	7	71,2 %	7
С жителями той же области, республики	73,1 %	6	76,9 %	5
С людьми, близкими по политическим взглядам	47,7 %	9	36,5 %	11
Со всеми гражданами России	52,3 %	8	61,5 %	8

видимости, представители титульного населения активнее проявляют себя во время избирательных кампаний, следят за различными политическими событиями, живо реагируют на них.

Социальная идентичность относительно стабильна, она может меняться в зависимости от многих факторов, в том числе и ситуативных. Чтобы анализировать закономерности изменения различных видов социальной идентичности, необходим большой объем эмпирических данных. Проведенный нами анализ показал, что два этноса, калмыки и корейцы, вовлечены и участвуют в жизнедеятельности общества, актуализируя такие свойства, которые имеют важное и жизненно необходимое значение в условиях постоянно трансформирующегося пространства, усваивая новые социокультурные образцы поведения, новые виды социальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Садохин А. П., Грушевицкая Т. Г. Этнология: учебник для студентов вузов. М.: Издательский центр «Академия»: Высшая школа, 2000. 304 с.
2. Кравченко А. И. Краткий социологический словарь. М.: Проспект, 2009. 352 с.
3. Овшинов А. Н. Толерантность как важнейший системообразующий фактор регионального и национального взаимодействия // К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия. Материалы регионал. научно-практ. конф. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 40–48.
4. Сенглеева С. З. Калмыцкая культура: ценности и смыслы // Образование и развитие многонационального государства в России: сущность, формы и значение. Материалы рос. науч. конф. Элиста: КалмГУ, 2002. С. 90–93.
5. Бадмаев В. Н. Социокультурные детерминанты национальной идентичности // Динамика ценностных и культурных ориентаций народов Калмыкии. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 17–26.
6. Мунянова Б. М. Детерминанты этнической самоидентификации студенческой молодежи Калмыкии на современном этапе // К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия. Материалы регионал. научно-практ. конф. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2009. С. 679–683.
7. Имкенова А. Б. Этническая идентичность калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 176 с.
8. Кублицкая Е. А. Изучение религиозной и конфессиональной самоидентификации современного российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 3. С. 267–280.
9. Козырева П. М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 29–39.